

Николай Владимирович Коляда

Манекен

Николай Коляда

Манекен

«Public Domain»

Коляда Н. В.

Манекен / Н. В. Коляда — «Public Domain»,

Пьеса в двух действиях. Написана в марте 1990 года. Пётр появился на окраине, в домике, где живут Аля и Варя. Переспал со одной, потом с другой, а потом – ушёл, ушёл и от той и от другой... Так уж нехороши были женщины? Нет. Просто Пётр всю жизнь ищет её, свою суженую-ряженую... Найдёт ли?

Содержание

Первое действие.	6
Первая картина.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Коляда
Манекен
пьеса в двух действиях

Действующие лица:

АЛЕВТИНА 40 лет

ВАРВАРА 40 лет

ПЕТР 40 лет

Пригород.

Первое действие.

...Женщина в синем выцветшем платье перепуганно бежит за мужчиной. В руках у нее хворостина, она ею потряхивает, словно вышла загнать расшалившегося молодого бычка.

А мужчина в черном костюме, который висит на нем, как мешок, в белой нейлоновой рубашке, в петушином галстукe всех цветов радуги. На голове лихо заломленная назад серая кепка, в уголке рта потухшая папироса. Не то пьян мужчина, не то просто перепуган до смерти, что впервые в жизни на люди приоделся в костюм с галстуком и потому напустил на себя развязность, уверенность, а сам, видно, страшно боится того, что делает...

Он идет – смеется. Зажигает спичку, прикуривает. Отмахивается от женщины, как от назойливой мухи. А она, простоволосая, бежит за ним, бежит, бежит...

Падает, коленки сдирает, плачет, размазывает слезы по лицу, грязные слезы...

Он идет по железнодорожному пути. Старается ступать на каждую шпалу, но иногда шаг его сбивается, на шпалу ступить ему не удастся и потому он мотает головой, сердится на самого себя. Рельсы упираются в горизонт – туда, где садится солнце.

Синее небо, закат, зеленые деревья по бокам железнодорожного пути...

И музыка какая-то навязчивая, музыка, музыка... То ли динамики у кого стоят на окне и проигрыватель крутит пластинки, то ли оркестр какой в парке у реки играет...

По дороге, что рядом с железнодорожными путями, проехал автобус, битком набитый людьми. Это свадьба пьяная поехала веселиться, песни поет свадьба, кричит что-то в окна автобуса...

Автобус поднял пыль и засыпал ею новый пиджак мужчины, кепку, рубашку, галстук. Летит пыль в глаза женщине, прилипает к щекам. Пыль, пыль, пыль...

И их голоса – будто из глубокого колодца. Музыка слова заглушает. Только некоторые разобрать можно:

ОНА. Стой... Стой... Стой, сказала! Слышишь?! Не надо тебе туда идти, не надо, не ходи, ну?! Ну, не надо... Иди сюда, иди ко мне, иди домой, ну?! Кому говорю? Тебе говорю, нет? Иди, иди домой, мой любимый, не бросай меня, мой хороший... Куда ты пошел, куда?! Ну, чего тебе надо там, чего?! Чего вырядился, чего вот ты вырядился?! А? Вот хворостиной тебя сейчас, хворостиной, слышишь? Иди домой, сказала, иди, ну?! Слышишь ты меня или оглох?

ОН (весело). Пошла! Пошла! Пошла!..

Она перебегает то на одну, то на другую сторону железнодорожного пути. Опять падает, встает, поправляет платье, бежит за ним...

ОНА. Ты чего это надумал? Куда ты идешь?! А?! Чего тебе надо там, чего?! Ну, скажи толком! Там ты никому не нужен, слышишь, никому, слышишь?

ОН. Пошла... Пошла! Пошла!

ОНА. Чего вырядился, дурень старый! Ты ведь не мальчик, не мальчик уже бегать-то так, не пацан какой, не юноша, слышишь, ну?! И я не девочка носиться тут за тобой, уговаривать тебя, слышишь?! Иди домой, ну?! Ну, что ты как жеребец какой, что ты делаешь, что, что?! Да кто там на тебя посмотрит-то, кому ты нужен-то, ну?! Кому нужен, кроме меня? Не нужен ты! Никому! Не стыдно?

ОН. Пошла! Пошла! Пошла!

ОНА (трясет хворостиной). Иди, иди, ладно! Сходи, попозорься, досыта! Посмотрю я на тебя, посмотрю я, как тебя оттуда вышвырнут! Пинком выставят, попомни мои слова! Бегом назад побежишь, да поздно будет уже! Бесстыдник ты, бесстыдник! Иди, иди...

ОН. Пошла! Пошла!

ОНА. Люди добрые, поглядите на него! Бесстыдник какой! Иди домой, ну? Быстро! Кому сказала?! Не позорься ты, не позорься!

ОН. Пошла! Пошла! Пошла!

ОНА. Господи, да что же это такое с тобой стало? С ума сошел, что ли? Иди домой, милый, прошу тебя, миленький мой, хорошенький мой, иди домой! Ты обо мне подумал или нет? Не думаешь? Иди, иди, иди домой! Ну?! Кому сказала?!

ОН. Пошла! Пошла! Пошла!

ОНА. Да что же ты делаешь, что, что, что?! Иди домой, иди домой! Иди!

ОН. Пошла!

Мужчина курит, смеется. Упорно идет по рельсам вперед – туда, где садится солнце.

Она – в синем платье, он – в черном костюме.

Идут, будто связанные веревочкой...

Так и исчезают оба...

Первая картина.

Вечер. Около десяти часов. Лето. Садится солнце. На танцах в заводском клубе играет музыка.

Огромный забор. За ним какие-то здания, столбы, провода. У забора возле дома кусты лопуха, бурьяна.

Еще у забора двухэтажный дом – маленький, неаккуратно обитый досками, которые выкрашены в синий, в белый и в зеленый цвет.

В доме всего восемь квартир. Потому он так и называется: "Восьмиквартирный". На нижнем этаже живет АЛЕВТИНА и еще три семьи. А над ее, Алевтининой квартирой, обитает ВАРВАРА. Туда к ней ведет лестница. Лестница продолжается еще выше, на крышу. На крыше топорщится телеантенна, стоят электрические столбики.

У дома клумба, на ней звезда, выложенная кирпичом. По периметру клумбы – тоже кирпичом, но только белого цвета – выложена надпись: "Слава труду!" На доме табличка, которая, видно, когда-то свалилась с проходившего мимо поезда. Кто-то подобрал табличку, а другого места, кроме как над крылечком, найти ей не смог. На табличке надпись: "МОСКВА-УЛАН-УДЭ".

На клумбе желтеют хилые ноготки.

Слева от дома кочегарка. Она почти выросла в землю, да еще и углем забросана со всех сторон, до крыши. В кочегарку ведет крохотная дверь. Рядом – огромная труба стоит из красного кирпича. На трубе желтой краской сверху вниз по одной букве полусмытая дождем надпись: "Слава..." От кочегарки до дома бельевая веревка. На ней сушатся тряпки. Во дворе скамейка, детские качели. Справа от дома две березы – старые, с толстыми узловатыми ветвями...

Где-то пьют и орут...

В квартире АЛИ сидят АЛЕВТИНА и ВАРВАРА – подружки сорокалетние. В комнате Али стол, стулья, кровать, телевизор – все самое необходимое. Да больше и не уместится. Одна комната – больше нету. Тут и кухня, и ванная – все вместе. Над столом Али висит вымпел "Ударнику коммунистического труда". Работает телевизор. АЛЯ и ВАРЯ выпивают.

АЛЯ. Слушай, Варька, а что вот такое все говорят: доллар? Доллар, доллар... Это что – золото?

ВАРЯ. Доллар – деньги. Здрасьте.

АЛЯ. Ну да, деньги. Говори, как же.

ВАРЯ (глядя в телевизор, настойчиво). Доллар – деньги.

АЛЯ. Ну, а если деньги, что ж тогда везде говорят: "На доллар можно все купить?" Ну? Вот так. Доллар – значит: золото. Поняла?

ВАРЯ. Доллар – деньги.

АЛЯ (стукнула по столу). А я тебе говорю, что доллар – это золото. Спорим? Ну, спорим?

ВАРЯ. Кто спорит, тот говна не стоит. Вот так. Я говорю – деньги.

АЛЯ. Дак ты ничего не понимаешь, дак ты и говоришь так. Деньги. Деньги, деньги! Ага, деньги. Говорят – золото. Нет, она – свое!

ВАРЯ (помолчала). Слушай, Алевтина, ты признайся мне честно, кто ты по национальности, а?

АЛЯ. Здра-асьте! Я – русская!

ВАРЯ. Русская ты, гляжу. Ага, русская. Русская – задница узкая. Признавайся давай честно, что ты – татарка, ну? "А-лев-ти-на" – вот это же татарское имя, ну? А-лев-ти-на... Татарское, точно. И глаза у тебя, смотрю, такие раздвинутые, скоса... Татарка, ну, признавайся, татарка, ну, да? Татарка?

АЛЯ. Да сама ты татарка, сама!

ВАРЯ (завелась, закричала). Алька, признавайся добром! Или, если я от людей узнаю, а не от тебя самой, то тебе еще в сто раз хуже будет... Тебе еще в триста раз хуже будет! В пятьсот, в тысячу, в миллион! Ну, признавайся по-хорошему: татарка, да?

АЛЯ. Да что ты ко мне привязалась? Чего тебе надо? Да ты сама, сама татарка! Вылитая! Посмотри на себя в зеркало вон! У тебя у самой к старости глаза вот так вот выкатываться начали, как у всех татарок! Строит тут из себя русскую! Сама косоглазая, а на меня валит! Посмотри, посмотри на себя, а потом говори мне...

Молчание.

(Смотрит телевизор, ест печенье, зыркает на ВАРВАРУ, злобно уставившуюся в экран телевизора). Ишь, кричит! И что тебе такого татары сделали, что ты на них на всех кидаешься, что-о?

ВАРЯ (вскочила, кричит). А-а-а-а! Призналась! Призналась! Татарка! Татарка! Татарка!

АЛЯ (кричит). Отвали от меня, сказала! Отвали, моя черешня! Отвали, привязалась! Отвали, ну?!

ВАРЯ выдохнула, села, смотрит телевизор, сжимает зубы.

Молчание.

ВАРЯ стукнула со всей силой по столу кулаком, аж стаканы подпрыгнули.

ВАРЯ. Ненавижу татар!!! Ненавижу!!! Мне татары всю молодость мою истоптали!!! Всю мою кровушку мне татары смолodu выпили!!!! Ух, как они мне кровушку попортили!!! Ух, как я их ненавижу!!! Ух, как ненавижу!!! Татары!!! Татары!!!

Молчание.

(Снова стукнула по столу). И Леня-Лида был татарин! Чувствую я это! Чувствую! Чувствую вот!!!

АЛЯ (тихо). Заткнись. Что-то ты сегодня разошлась чересчур... А то смотри, я тебя быстро остужу сейчас...

ВАРЯ испуганно замолчала. Смотрят телевизор. ВАРЯ вдруг пронзительно завизжала, толкнула от себя руками стол, чуть со стула не упала. АЛЯ тоже визжит. Молчат обе, смотрят друг на друга, схватившись руками за сердце.

АЛЯ (шепчет). Ты чего? Чего это? Чего ты? Чего? Чего?!

ВАРЯ (смеется, машет руками на лицо). Ой, Господи... Кошка твоя между ног пробежала... Фуй, как напугала, сучара такая... Да на что ты ее держишь, заразу такую! От нее ведь блохи одни, тьфу! Напугала как, мерзавка, гадина, тьфу, тьфу!..

АЛЯ ползает под столом, находит кошку, берет ее на руки, тоже смеется.

АЛЯ. Масинька моя, перепугалась больше тебя... Да? Да? Больше тетки этой перепугалась, масинька, да? Ты как заполошная, ей-Богу... То сидит – молчит, молчит, то орет дурниной... Ну, ходит, ходит. Пусть ходит. Она тебе мешает, что ли?

ВАРЯ. Мешает! Мешает! Знаешь, как страшно? Как шмыгнула вот, как вот так вот провела по ноге шерстью, у меня аж мурашки по коже пробежали! Идиотка она, твоя кошка! Тьфу!

Обе долго смеются. АЛЯ баюкает кошку. Смотрят телевизор.

АЛЯ. Ешь печенье. "Мозайка" называется.

ВАРЯ. Мозаика. Мо-за-и-ка.

АЛЯ. Мозайка. Дед Мазай был. Ну вот. В кулинарке купила. Написано: "Мо-за-й-ка"!

ВАРЯ. Лишь бы спорить. Мозаика!

АЛЯ. А я говорю: "мозайка"! Не командуй тут, в моей квартире.

ВАРЯ (вздыхнула, молчит, смотрит телевизор). Это какая страна?

АЛЯ (ест печенье). Корея. Ко-ре-я!

ВАРЯ (испуганно). Это они собак едят?

АЛЯ. Они.

ВАРЯ. У-у-у, какие морды ненавистные! Так и смотрят, так и смотрят...

АЛЯ. Не говори...

ВАРЯ. На татар похожи. Вылитые все татары. Точно, на татар! Татары – татары они и есть. Во всем татары виноваты. Точно.

АЛЯ. В чем – во всем?

ВАРЯ (уверенно). Во всем.

Пауза. Едят печенье, смотрят телевизор.

Я ходила на день рождения когда, в том году, к Капустиной... Да знаешь ты ее, она со мной в теплице работает. Бригадир наш. Пришла я к ней, как к путевой, с подарком. Стакан взяла, пью и говорю громко всем: "Выпьемте, товарищи, чтоб всем татарам плохо стало, чтоб они все повыздыхали! Чтоб они все окочурились, говорю, бы все!" А Капустина, смотрю, сморо-орщилась вся, недовольная такая вся стала. А потом я узнаю, что она татарка.

АЛЯ. Капустина?

ВАРЯ. Капустина.

АЛЯ. Татарка?

ВАРЯ. Татарка.

АЛЯ. Не похожа, вроде...

ВАРЯ. Похожа. Самая настоящая Мулима. У ее ребенка уши торчали, когда он маленький был. Так она, знаешь, что сделала ему?

АЛЯ. Не знаю.

ВАРЯ. Она ему уши лейкопластырем приклеила к затылку. Чтоб они у него не торчали. Смеются.

АЛЯ. Уши? Лейкопластырем?

ВАРЯ. Уши. Лейкопластырем. Татарка, что сделаешь...

АЛЯ. Ей бы самой бы уши лейкопластырем приклеить бы!

Хохочут.

ВАРЯ. Давай, твоей кошке уши приклеим, чтоб не торчали?

АЛЯ (хохочет, вытирает слезы). Ага, дам я тебе! Масинька, иди сюда ко мне, а то тетка еще и правда приклеит!

Ппустила кошку на пол. Налила вино в стаканы. Выпили молча, чокнувшись.

ВАРЯ. Мы с тобой алкашки, ага?

АЛЯ. Алкашки?

ВАРЯ. Как суббота – у нас с тобой бутылка. Алкашки, значит.

АЛЯ. Ну да, алкашки. Мы работаем. Мы можем себе позволить по субботам. Понемножку. Алкашки не такие. Алкашки другие. Тоже, придумала. Алкашки говорит... (Встала, погладила выпел "Ударнику коммунистического труда". Села). Слушай, Варька, а с пятницы на субботу сбываются сны или нет?

ВАРЯ (смотрит телевизор). Смотря какие...

АЛЯ. Слушай, что мне сегодня приснилось...

ВАРЯ (топнула ногой). Брысь!

АЛЯ. Не трогай ее! Масинька, сиди там, не ходи сюда, тетка злая... У-у, злая какая... Вот мне приснилось сегодня, будто к нам с неба... (Молчит). Нет, не буду рассказывать.

ВАРЯ. А чего?

АЛЯ. Да ты смеяться будешь.

ВАРЯ. Не буду, давай.

АЛЯ. Расскажешь потом всем, разболтаешь.

ВАРЯ. Не разболтаю. Давай!

АЛЯ. Ну, смотри. Не смейся только! Вот. Мне приснилось, будто к нам с неба во двор парашютист приземлился. Идет к нашему дому, улыбается... А я на улицу с мокрым бельем в тазике. А он – навстречу... И на колено становится вот так...

ВАРЯ (смотрит телевизор). Не сбудется.

АЛЯ. Почему? Почему это?

ВАРЯ (смотрит в окно). Он тут не сядет.

АЛЯ (встала, смотрит в окно). Почему это?

ВАРЯ. Его тут током обязательно стукнет и он на проводах зажарится.

АЛЯ. Вон там есть место – спустится.

ВАРЯ. Ага, как же. Ума у тебя – хрен да маленько.

Смотрят обе в окно, молчат.

АЛЯ. У тебя много.

ВАРЯ. Не надейся. Десанта с неба не будет. Зажарится – это верняк. Так что даже и не рассчитывай. (Смеется).

Молчат. Где-то далеко играет музыка.

Из кочегарки вышел ПЕТР. Ему около сорока лет. Петр в шикарной кожаной куртке и в грязной рубашке, в таких же грязных сапогах, грязных штанах. На голове клетчатая кепчонка. Сел на лавочку возле кочегарки, щелкает семечки, смачно выплевывает шелуху.

ВАРЯ смотрит на АЛЮ.

АЛЯ. Ну, что? Пойдем, подышим? Надоело уже это кино... (Кивнула на телевизор). Одно и тоже... На крышу сходим, ну? Уже темно скоро станет...

ВАРЯ. Что-то во дворе у нас тихо как. Напились уже все, спят, что ли? Куда народ-то подевался?

АЛЯ. Суббота. Нам на руку. Пошли.

АЛЯ выключила телевизор. Пошли на крыльцо. ПЕТР увидел АЛЮ и ВАРЮ, смеется.

ПЕТР. Старый-и-и-и знакомый-и-и-и! Здравствуйте!

ВАРЯ. Тебя не спросили. Понял? Лезешь тут. Что хотим, то и делаем. Вот так и никак иначе. Ишь ты, пролетная голова какая...

АЛЯ (толкает ВАРЮ в бок). Пошли. Что встала-то?

Спустились с крыльца, пошли вверх по лестнице. Остановились возле Вариной двери на втором этаже.

ВАРЯ (потрясла замок). Надо покрепче закрывать двери-то. А то много таких тут ходит – обчистят и пикнуть не успеешь.

Идут по лестнице вверх, на крышу.

(Ворчит). Ненавижу таких вот людей. Смотрит – как раздевает. Чувствуешь? Нет?

АЛЯ. Чувствую.

ВАРЯ. Вот и я чувствую. Как раздевает будто. Ишь ты, хрен в отрепьях...

АЛЯ. Тихо ты. Не ругайся.

ВАРЯ. А что я такого сказала?

АЛЯ. Я говорю: противный до чего.

ПЕТР сидит на лавочке внизу, смеется, плюет шелуху от семечек, наблюдает за АЛЕЙ и ВАРЕЙ.

ВАРЯ (остановилась на лестнице). Чего он смеется? Что ты ему сказала? Ну?

АЛЯ. Да ничего я ему не говорила. Иди, иди, иди...

ВАРЯ. Не, ты сказала что-то!

АЛЯ. Да не говорила я ничего! Очень надо! Иди, иди давай, иди, чего встала-то на пороге?

ВАРЯ. Нет, ты ему что-то показала за моей спиной! Чего показала, ну? Говори? Показывай мне тоже, ну?

АЛЯ. Да надо мне! Иди, иди, иди... Ну, что стоишь? (Тихо). Да он снизу на нас смотрит и смеется, конечно! А ты застряла на дороге, как бомбовоз стоишь! Иди, сказала! Дурак он с приветом, вот и смеется!

ВАРЯ (кричит вниз). Эй ты! Посмейся еще тут! Дурак с приветом! Правильно вон она про тебя говорит! Лети с приветом, вернись с ответом, понял?

ПЕТР. Что-что? Что вы говорите?

ВАРЯ. Что слышал!

ПЕТР. Это что – тонкий намек на толстые обстоятельства?

ВАРЯ (помолчала). Я вот морду тебе пошкарябаю – будут тебе "обстоятельства". Посмеешься мне еще тут.

ПЕТР. На каком языке вы говорите, не пойму? Мадам, вы на древнекельтском, что ли?

ВАРЯ. На татарском, понял?

АЛЯ. Ну, иди, иди...

ПЕТР смеется. Закурил. АЛЯ и ВАРЯ забрались на крышу. Сели на свернутый трубкой матрас. Оглядываются. Смотрят из-под руки вокруг.

ВАРЯ. Ишь ты, какой. Растворил рот, как поп ворота... Смотрит, смотрит, смотрит... Ты внимания не обращай...

АЛЯ. А я и не обращаю.

ВАРЯ. Ну. Дятел. Что скажешь. Фу-у-у-у... Как хорошо тут. Как тут у нас красиво...

Молчат. Полумрак во дворе и на крыше сгущается. В двух квартирах дома, у соседей АЛИ и ВАРИ зажглись окна светом. Ходят люди за занавесками, разговаривают. Музыка все также играет.

АЛЯ (вдруг громко). Люблю русскую природу!

ВАРЯ. А?

АЛЯ. Русскую природу, говорю, люблю...

ВАРЯ. А-а. А татарскую не любишь?

АЛЯ. Какую татарскую?

ВАРЯ. Ну где ты тут русскую природу увидала?

АЛЯ. Ну везде. Кругом. Вон там, вон там. И вон там тоже.

ВАРЯ. Ну, правильно, ну, да. Правильно. Пальцем в небо попала. Да природа – это наше богатство!

АЛЯ. Какое у нас с тобой богатство? Какое богатство?

ВАРЯ. Уй! Природа – это реки, озера, моря, пустыни, косогоры, холмы, еще вон эти – бугры!.. А тут – вон столбы, вон – дома, вон – поезда едут-идут... Слушай, он ведь татарин. Точно! Вылитый! Правда? Похож на татарина. И повадки у него, выходки все – татарские...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.